

М. Тареев

По вопросам гомилетики

Критические очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
М11

М11 **М. Тареев**
По вопросам гомилетики: Критические очерки / М. Тареев – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 188 с.

ISBN 978-5-458-56594-3

ISBN 978-5-458-56594-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Краткій очеркъ истории гомилетики

I.

Рѣчь служитъ естественнымъ средствомъ обнаруженія мыслей и чувствъ; сверхъ того она есть свободное средство убѣжденія, дѣйствія воли на волю. Въ первомъ смыслѣ рѣчь на латинскомъ языкѣ называлась именемъ *sermo*, а во второмъ смыслѣ—*oratio* (Cicer. *Orator*, с. XIX) ¹⁾.

Какъ средство убѣжденія, рѣчь съ глубокой древности и до настоящаго времени цѣнится культурнымъ человѣкомъ весьма высоко. Въ классической древности почти каждый общественный дѣятель былъ ораторомъ и, обратно, ораторская пзвѣстность вѣрнѣе всего вела къ высокимъ общественнымъ должностямъ. Для насъ трудно представить себѣ, какую властью надъ толпою пользовался классическій ораторъ: онъ по-истинѣ управлялъ по своему желанію чувствами и желаніями народа. Поэтому кафедра оратора болѣе всего привлекала къ себѣ честолюбцевъ.

Соотвѣтственно высокому значенію ораторской рѣчи и риторика составляла съ древнѣйшихъ и до недавнихъ временъ излюбленный предметъ изученія, хотя не всегда она стояла на одинаковой высотѣ. Классическая риторика, которая обычно преподавалась пзвѣстнѣйшими ораторами, была

---

¹⁾ Посему не всякій краснорѣчивый человѣкъ есть ораторъ Ораторъ—тотъ, кто пользуется рѣчью, какъ средствомъ убѣжденія. Искусный въ рѣчи вообще (*sermo*) на латинскомъ языкѣ назывался *disertus*; искусный ораторъ—*eloquens*.

совершеннѣйшею въ своемъ родѣ наукою. Она развивалась и вела своихъ учениковъ съ полнымъ сознаниемъ цѣли ораторской рѣчи и тѣхъ средствъ, которыя находятся въ распоряженіи оратора. Классическая риторика ясно видѣла въ ораторской рѣчи искусство *sui generis*—одинъ изъ видовъ словеснаго искусства—съ опредѣленною цѣлью убѣждать. Цѣль всякаго искусства, мы знаемъ,—въ дѣйствиіи на чувство; и ораторская рѣчь, какъ одинъ изъ видовъ словеснаго искусства, имѣетъ цѣлью дѣйствовать на чувство. Отличается же ораторская рѣчь отъ другихъ видовъ словеснаго искусства тѣмъ, что она имѣетъ цѣлью дѣйствовать чрезъ чувство на волю; и ораторская рѣчь можетъ достигать этой цѣли потому, что она дѣйствуетъ на слушателей не только собственно словомъ, но и цѣлымъ впечатлѣніемъ живой личности оратора. Какъ бы то ни было, классическая риторика ясно признавала цѣлью ораторской рѣчи дѣйствіе чрезъ умъ и чувство на волю; столь же ясно она признавала ораторскую рѣчь искусствомъ. Интересно въ данномъ случаѣ знать, какое различіе она устанавливала между рѣчью философскою и ораторскою. Философъ говоритъ для того, чтобы научить, а не увлечь (*docendi causa, non capiendi*); его рѣчь дѣйствуетъ на чувство успокоительно, а не возбуждающимъ образомъ (*sedare animos malunt, quam incitare*); она тиха, спокойна, чужда всякихъ украшеній и изысканностей, ей менѣе всего свойственно возбуждать какія нибудь сильныя и бурныя чувства: образъ такой рѣчи—чистая, стыдливая дѣвушка (*casta, verecunda, virgo incorrupta quodammodo*). Напротивъ ораторъ, по опредѣленію классической риторики, долженъ учить, нравиться и убѣждать (*Id. с. XXI; Quint. Institut. orat. lib. III, с. 5*) и точнѣе—учить и нравиться для того, чтобы убѣждать; ораторъ, главнымъ образомъ, долженъ дѣйствовать на сердце (*Cic. Brut. с. LXXX: permovere atque incitare animos—inflammarе animos audientium*); цѣль оратора та, чтобы его слушатель по его желанію волновался сильными чувствами (*Orat. с. XXXVIII*). Для этого и сама ораторская рѣчь должна быть пламенною (*neс unquam is, qui audiret, incenderetur, nisi ardens ad eum perveniret oratio. Ibid.*). И классическая риторика яркими чертами рисуеъ образъ художественной ораторской рѣчи. Ораторъ долженъ жить преимущественно сердцемъ (*pectus est, quod disertos facit*).

Quint. *Instit. orat.* lib. LX, с. 7); искусство ораторское состоитъ въ умѣнн такъ выражать свои чувства, чтобы они передавались слушателямъ, склоняя ихъ къ опредѣленному дѣйствованію. Отсюда классическая риторика ставила краснорѣчіе въ тѣсную связь съ психологіей, требовала отъ оратора знанія наклонностей своихъ слушателей, умѣнья приспособляться къ ихъ душевному состоянію, — ораторъ долженъ „замѣчать, какая душа, отъ какихъ рѣчей и по какой причинѣ необходимо либо убѣждается, либо не убѣждается“ (Платона *Федръ*, 271, В; въ перев. Карпова, ч 2, изд. 2. стр. 101); отсюда же она предъявляла извѣстныя требованія къ личности оратора, — она требовала, чтобы ораторъ по своему умственному и нравственному облику заслуживалъ довѣріе у слушателей (Aristot. *Ar. rhetor.* lib. I, с. 2), она даже говорила: *nemo orator nisi vir bonus* (Quint. *Instit. orat.* lib. XII, с. 10). Но преимущественное свое вниманіе классическая риторика обращала на все то, чѣмъ ораторъ во время рѣчи дѣйствовалъ на слухъ и зрѣніе слушателей, и смотрѣла она на все это исключительно съ художественной точки зрѣнія. Она требовала, чтобы рѣчь оратора была художественна и со стороны формы и по музыкальности строя; она обращала строгое вниманіе на голосъ и произношеніе и ставила успѣхъ ораторской рѣчи болѣе въ зависимость отъ произношенія, чѣмъ отъ содержанія (Id. LXI, с 3); она полагала, наконецъ, краснорѣчіе не въ одномъ словѣ, но вмѣстѣ и въ „дѣйствованіи“ оратора (*est enim actio quasi corporis quaedam eloquentia*) и считала весьма важными для успѣха оратора его движенія, осанку и выраженіе лица (Cic. *Orat.* с. XVII. XVIII).

Въ классической древности кромѣ краснорѣчія ученаго и собственно ораторскаго было еще извѣстно краснорѣчіе софистовъ. Это было мастерство доказывать то, въ чемъ самъ говорящій не былъ убѣжденъ, — доказывать безразлично за и противъ; это было чисто словесное мастерство — изворотливость мысли, умѣнье владѣть рѣчью, играть словами. Такое мастерство софисты примѣняли къ самымъ отвлеченнымъ философскимъ положеніямъ. Ихъ цѣлью было не столько убѣждать, сколько нравиться (Cic. *Orat.* с. XIX: *non tam persuadere, quam delectare*).

II.

Классическое ораторское искусство перешло къ христианамъ Оно несомнѣнно оказывало вліяніе на знаменитыхъ проповѣдниковъ христіанской древности. Во времена средневѣковой схоластики и риторика приняла схоластическій обликъ. Что такое схоластическая риторика? Это та же классическая риторика съ замѣною художественнаго духа ораторской рѣчи механическимъ примѣненіемъ искусственныхъ, условныхъ приемовъ. При такой замѣнѣ искусство перестаетъ быть таковымъ и обращается въ ловкость, или мертвую искусственность. То же мы можемъ наблюдать и въ области другихъ искусствъ, напр. въ живописи. вмѣстѣ съ тѣмъ схоластикъ имѣетъ по существу много сроднаго съ древней софистикой — здѣсь мы встрѣчаемъ то же напряженіе самаго отвлеченнаго мышленія; этотъ характеръ схоластики также отразился на схоластической риторикѣ. Схоластическая риторика утверждалась на томъ возрѣніи, что краснорѣчіе оратора состоитъ въ соблюденіи самыхъ опредѣленныхъ правилъ, въ примѣненіи условныхъ приемовъ. Оратору предписывались извѣстныя движенія руками, головою, опредѣленное положеніе туловища, опредѣленные модуляціи голоса. Главнымъ же образомъ, это были правила относительно раскрытія данной темы и относительно формы рѣчи, это были условные приемы построенія предложеній и приведенія доказательствъ. Риторика имѣла цѣлью выработать умѣнье и ловкость раскрывать каждую данную тему, доказывать какое угодно положеніе — раскрывать и доказывать пріятно для слушателей. Съ этою цѣлью давались правила и указывались приемы независимо отъ всякаго возможнаго содержанія. Мало того; схоластическая риторика не только вырабатывала форму рѣчи и логическіе приемы раскрытія темы и доказательства положеній, но она ставила себѣ задачею дать содержаніе для рѣчи о всякомъ предметѣ,—конечно, отвлеченное содержаніе; она давала запасъ общихъ мѣстъ, словъ и оборотовъ; она давала правила объ изобрѣтеніи, изысканіи и избраніи мыслей.

За время средневѣковой схоластики гомилетика была только отдѣломъ риторики,—это была схоластическая гомилетика.

III.

Схоластическая гомилетика (какъ и риторика) съ Запада чрезъ посредство католической Польши перешла къ намъ въ Россію, сначала въ юго-западную, потомъ въ сѣверо-восточную. Первая русская гомилетика „Наука альбо способъ зложеня казаня“ Іоанникія Голятовскаго была схоластическою гомилетикою. Эта наука состоитъ изъ двухъ частей — теоретической и практической. Первая часть представляетъ собою отвѣтъ на вопросъ: что говорить? откуда взять содержаніе? Содержаніе проповѣди прежде всего указывается въ ея частяхъ: еемъ, экзордіумъ, пропозиціи, нарраціи, конклюдіи. Даются подробныя наставленія о составленіи каждой изъ частей проповѣди. Экзордіумъ, также конклюдію, можно „учинити изъ подобенства якого, альбо зъ прикладу“. Экзордіумъ можно также составить, приписывая себѣ слабость или выражая недоумѣніе передъ тѣмъ, о чемъ собираешься говорить. Можно тему разложить на логическія части и говорить въ нарраціи о каждой отдѣльно. Если говоришь въ день святого, восхваляй его жизнь, страданія, чудеса. Даются подробныя наставленія о содержаніи экзордима и конклюдіи съ цѣлью заохочивать слушателей. Въ числѣ источниковъ проповѣди сверхъ библіи и святоотеческихъ твореній указываются гисторіи и хроники, книги о звѣрехъ, птахахъ, гадахъ и т. д. Во второй части разсматриваемой нами науки даются наставленія, какъ пользоваться проповѣдникамъ собственными проповѣдями Іоанникія Голятовскаго,—нужно замѣтить, что его наука составляетъ приложение къ сборнику его проповѣдей. Наставленія эти таковы: проповѣдь, написанную на день св. Георгія, можно сказать на день св. Димитрія или св. Прокопія,—нужно только измѣнить имя; при такихъ же незначительныхъ перемѣнахъ проповѣдь, написанную на одинъ изъ Господскихъ или Богородичныхъ праздниковъ, можно сказать въ день какого либо святого. Можетъ проповѣдникъ изъ проповѣди Голятовскаго взять экзордіумъ и придѣлать къ нему свою наррацію или обратно. Можно изъ одной какой нибудь части проповѣди составить цѣлую проповѣдь. „Спытаеть кто, якъ можетъ змалой части великое казане учинити“? На этотъ вопросъ авторъ науки отвѣчаетъ такъ:

„треба тую часть казаня амплѣфѣковати (amplificare?), раз-
ширяти, треба придавати доней приклады, подобѣнства, сен-
тенци, фѣгуры, то малая часть великимъ казаньемъ заста-
нетъ“ (II, 131).

Изъ этого краткаго изложенія краткой науки Іоанникія Голятовскаго очевидно, что для него проповѣдь была не живымъ словомъ, а мертвымъ звукомъ,—не организмомъ, а механизмомъ. Нельзя у живого тѣла измѣнить цвѣтъ во-
лосъ, величину носа, или переставить голову съ одного тѣла
на другое, а съ куклами все это можно сдѣлать. Какъ на
безжизненные куклы, смотритъ авторъ на проповѣди. Ху-
дожественное произведеніе, какъ организмъ, также не тер-
питъ такихъ насильственныхъ измѣненій; но въ рассматри-
ваемой нами наукѣ искусство замѣнено условностью, меха-
ничностью. Любопытно, что даже форма рѣчи здѣсь раз-
сматривается, какъ средство изобрѣтенія содержанія, или
какъ приемъ прикрытія безсодержательности. Общая без-
жизненность и потому безцѣльность проповѣди прикрывается
искусственными приемами заочочиванія слушателей.

IV.

Гомилетика Іоанникія Голятовскаго была напечатана въ
1659 году. Вскорѣ послѣ того схоластическая гомилетика
появилась въ сѣверо-восточной Россіи. Мы не будемъ слѣ-
дить ни за этимъ первымъ появленіемъ ея въ Московскои
Руси, ни за дальнѣйшею ея судьбою въ Россіи; не будемъ
останавливаться ни на тѣхъ заслугахъ, которыя оказалъ
русской гомилетикѣ Теофанъ Прокоповичъ, ни на тѣхъ зна-
менитыхъ проповѣдникахъ, которые возвышались надъ уров-
немъ современной имъ теоріи гомилетики, какъ то св. Ди-
митрій Ростовскій, — мы только хотимъ познакомить чита-
теля съ типомъ схоластической гомилетики, какъ она при-
вилась у насъ въ Россіи. Для этого мы рассмотримъ не
труды Теофана Прокоповича, не *Руководство къ російской*
ораторіи Амвросія, не *Tractatus de concionum dispositionibus*
formandis Анастасія Братановскаго, съ которыми можно по-
знакомиться по книгѣ Я. К. Амфитеатрова *Чтенія о церков-*
ной словесности или Гомилетика, ч. I, стр. 35—48; но раз-
смотримъ *Руководство къ церковному краснорѣчю*, которое у

И. К. Амфитеатрова не излагается Правда, оно — сочинение не русское, но „русские переводчики прибавили въ немъ многое отъ себя“ (ib. стр. 49); оно пользовалось у насъ широкимъ употребленіемъ и имѣло нѣсколько изданій; оно представляетъ собою болѣе или менѣе выработанный типъ схоластической гомилетики и не случайно называется у И. К. Амфитеатрова „нашею классическою“ гомилетикою (ч. II, стр. 23). Въ этомъ Руководствѣ послѣ предварительныхъ понятій о краснорѣчьи, какъ о дарѣ поучать, нравиться и трогать,—о рѣчи ораторской и ея видахъ, о риторикѣ и ея раздѣленіи, излагается въ первой части разсужденіе объ изобрѣтеніи, подѣ чѣмъ разумѣется изысканіе и избраніе мыслей (гл. 1), доказательствъ (гл. 2) и доводовъ (гл. 3). Въ главѣ о доказательствахъ раскрывается легкій способъ изыскивать разные роды доказательствъ, который состоитъ въ употребленіи риторическихъ мѣстъ — внутреннихъ (опредѣленіе, исчисленіе частей, причина и дѣйствіе, сравненіе, различіе, противоположность и обстоятельства мѣста и времени) и внѣшнихъ (доказательства изъ свящ. Писанія, преданія и отъ святыхъ отцовъ). Въ главѣ о доводахъ даются наставленія, какъ выбирать доказательства и дѣлать умозаключенія, дабы удобнѣе увѣрять и убѣждать слушателей (роды доводовъ: гипотезъ, дилемма, примѣръ, индукція, энтимема). Дабы успѣть въ проповѣдничествѣ, надо быть хорошимъ логикомъ. Часть вторая — о расположеніи частей слова,—о приступѣ (гл. 1), въ которомъ ораторъ снискиваетъ благосклонность слушателей, о предложеніи и раздѣленіи матеріи (пять источниковъ раздѣленія: существенность, дѣйствіе, причины, обстоятельства и свойства предмета), о повѣствованіи (гл. 2), о конфирмаціи (гл. 3: о свойствахъ, соединеніи и порядкѣ доказательствъ и под.), о страстяхъ (гл. 4), которыя проповѣдникъ долженъ возбуждать въ слушателяхъ, о заключеніи (гл. 5), объ ораторской благопристойности (гл. 6), о привѣтствіяхъ (гл. 7), о видахъ проповѣди: о словахъ догматическихъ, бесѣдахъ, краткихъ поученіяхъ и катихизическомъ ученіи. Часть третья — объ изразженіи (elocutio), иначе объ украшеніяхъ слова,—о чистотѣ языка (гл. 1), ясности (гл. 2), изящности (гл. 3), о мысляхъ сильныхъ и высокихъ (гл. 4), о стилѣ простомъ, высокомъ и умѣренномъ (гл. 5), о фигурахъ

(гл 6) — о тропахъ, метафорѣ, аллегоріи, иперболѣ, перифразѣ и под., о подражаніи (гл. 7). Часть четвертая — объ ораторскомъ дѣйствованіи три главы: о памяти (о томъ, что нужно заучивать наизусть), голосѣ и тѣлодвиженіяхъ.

Таково содержаніе *Руководства къ церковному краснорѣчію* Каковы его достоинства? Для полной оцѣнки его слѣдовало бы сопоставить его съ классической риторикой, слѣды которой въ немъ обнаруживаются весьма замѣтно, и опредѣлить, выдерживаетъ ли оно вмѣстѣ съ буквою и духъ классической риторики. Оно, очевидно, удержало отъ древняго ораторскаго искусства только букву. Но мы хотимъ оцѣнить его внѣ этого отношенія къ искусству ораторской рѣчи. Схоластическая гомилетика, какъ она есть сама въ себѣ, соответствуетъ ли цѣлямъ христіанской проповѣди? На этотъ вопросъ нужно отвѣтить отрицательно. Въ основѣ схоластической гомилетики лежитъ воззрѣніе, по которому задачи и успѣхъ проповѣди всецѣло заключаются въ словѣ и именно въ его формально-логической сторонѣ, — въ силѣ выраженія. Между тѣмъ, по ученію апостола Павла, христіанская проповѣдь — не въ страстныхъ, или убѣдительныхъ (*παθητικοῖς*) словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 Кор. II, 4). Цѣль христіанской проповѣди есть явленіе въ слушателяхъ жизни Христовой (2 Тим. I, 10); она есть *слово жизни* (Фил. II, 16). Проповѣдь есть слово жизни потому, что она есть опредѣленное благовѣствованіе, — именно благовѣствованіе о Христѣ Иисусѣ, — она имѣетъ опредѣленное содержаніе. Классическое краснорѣчіе не имѣло опредѣленнаго содержанія. Правда, Цицеронъ требовалъ отъ оратора знанія философіи (*positum sit in primis, sine philosophia non posse effici eloquentem. Orator* с. IV); но нужно помнить, что въ то время, какъ и нынѣ, какъ и всегда, не было общепризнанной философіи, она не давала общепризнаннаго міровоззрѣнія, общеобязательныхъ правилъ нравственности; посему ораторъ изъ философіи не выносилъ содержанія для своихъ рѣчей, но получалъ отъ ея изученія только умственное развитіе (*non ut in ea omnia sint, sed ut sic adjuvet, ut palaestra histrionem. Ib.*). Рѣчи ораторовъ не имѣли общаго предмета обученія, общаго содержанія, но брали такое отъ частныхъ случаевъ, имѣя цѣлью дать не общее направленіе жизни слушателей, а опредѣлить для нихъ об-

разъ дѣйствія въ томъ или другомъ частномъ случаѣ общественной жизни. Таково вообще свѣтское краснорѣчіе. Совершенно иное нужно сказать о проповѣди: она имѣетъ для себя только одинъ предметъ — ученіе Господа Иисуса Христа, она имѣетъ для себя только одну цѣль — сообщить слушателямъ Его ученіе, Его благовѣстіе, которое одно можетъ дать и дѣйствительно даетъ жизнь міру. Эта определенность общаго содержанія составляетъ первый признакъ проповѣди. Но христіанская проповѣдь есть слово жизни не только въ томъ смыслѣ, что она есть слово къ жизни, т. е. порождаетъ въ слушателяхъ жизнь, но и въ томъ смыслѣ, что она есть слово отъ жизни, т. е. она исходитъ изъ христіанской жизни самого проповѣдника. Проповѣдь отъ всѣхъ видовъ рѣчи отличается тѣмъ, что въ ней слово дѣйствуетъ на слушателей совмѣстно съ личностью проповѣдника и именно его нравственнымъ обликомъ. Ученое сочиненіе и поэтическое произведеніе вполне достигаютъ своей цѣли, хотя бы читатель никогда не видалъ автора и не имѣлъ о немъ никакого представленія. Ораторская рѣчь достигаетъ своей цѣли только въ томъ случаѣ, если она проносится самимъ ораторомъ, если слушатель видитъ и слышитъ его. Также и проповѣдь, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ отъ ораторской рѣчи, что въ ораторѣ дѣйствуетъ на слушателей его внѣшній обликъ, а въ проповѣдникѣ — обликъ нравственный. Одинъ слушатель проповѣди, тронувшей всѣхъ до слезъ, на вопросъ, почему онъ не плачетъ, говорятъ, отвѣтилъ: „я не этого прихода“. Этимъ разсказомъ, обыкновенно, думаютъ осмѣять слушателя. На самомъ же дѣлѣ подобный отвѣтъ даетъ большой урокъ проповѣднику. Благовѣстникъ Христовъ долженъ поучать не словомъ только, но вмѣстѣ и жизнью своею, онъ прежде самъ долженъ исполнить ученіе Христа, онъ долженъ быть свидѣтелемъ этого ученія, его должны связывать съ слушателями узы любви, онъ долженъ быть своимъ для слушателей. Наконецъ, проповѣдь есть слово жизни и въ томъ смыслѣ, что она есть живое слово. Она есть живое слово потому, что въ ней слово Божіе примѣняется къ состоянію слушателей и дѣлается современнымъ для нихъ, понятнымъ для cadaго. Она есть живое слово и съ внѣшней стороны, какъ живая изустная, сердечная рѣчь, чуждая всякой искус-

ственности. Таковы существенныя черты проповѣди, раскрытіе которыхъ и должно составить существенное содержаніе гомилетики. Между тѣмъ схоластическая гомилетика не затрагиваетъ ни одной существенной черты проповѣди, не отвѣчаетъ ни на одинъ изъ существенныхъ вопросовъ науки о христіанской проповѣди и потому должна быть признана совершенно безцѣльною и ненужною.

V.

Мы сопоставили классическую риторику и средневѣковую схоластическую гомилетику съ истиннымъ характеромъ христіанской проповѣди. Этимъ путемъ мы заняли весьма удобный пунктъ для обзорѣнія позднѣйшихъ гомилетикъ, такъ какъ позднѣйшая исторія гомилетики состоитъ въ постепенномъ освобожденіи гомилетики отъ оковъ схоластики, но освобожденіе это совершается не въ одномъ направленіи къ истинному характеру христіанской проповѣди, а въ двоякомъ направленіи—съ одной стороны, къ истинному характеру христіанской проповѣди, а съ другой стороны, къ художественности ораторской рѣчи. Охарактеризовать позднѣйшую гомилетику—это значить отвѣтить на три вопроса: въ какой степени она даетъ въ себѣ мѣсто 1) изображенію истиннаго характера христіанской проповѣди, 2) безжизненнымъ правиламъ схоластической гомилетики и 3) искусству ораторской рѣчи.

Мы не будемъ излагать исторіи освобожденія русской гомилетики отъ ига схоластики, но разсмотримъ въ указанныхъ трехъ отношеніяхъ *Чтенія о церковной словесности, или Гомилетику* Я. К. Амфитеатрова, появившуюся въ печати въ 1846 году. Ничего подобнаго этому сочиненію исторія русской гомилетики прежде не имѣла. Когда переходишь отъ нашихъ старинныхъ гомилетикъ къ этому по-истиннѣ классическому труду, то чувствуешь себя вступившимъ въ область, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, совершенно новую: это—сердечность и проникновеніе святоотеческимъ духомъ. Отличается отъ прежнихъ гомилетикъ сочиненіе Я. К. Амфитеатрова и по содержанію. Вся первая часть его Гомилетики занимается вопросомъ о матеріи церковнаго собесѣдованія; значительное первое отдѣленіе второй части трактуеть о